

Анатолий Алексеевич ШтырбулОмский государственный педагогический университет, доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии, Омск, Россия
e-mail: shtyrbu_97@omgpu.ru**«Ранний социализм» в его религиозном, философском и политическом проявлениях
(XVI–XVIII века)**

Аннотация. В статье рассматривается феномен «раннего социализма» периода первых буржуазных революций XVI–XVIII вв. в его религиозных, философских и политических проявлениях. Данный феномен анализируется в русле социальной эпистемологии, с позиций сочетания диалектического и синергетического подходов, в том числе в преломлении таких категорий, как сочетание линейности и нелинейности в историческом процессе, общественная самоорганизация, альтернативность.

Ключевые слова: социальный утопизм XVI–XVIII вв., «ранний социализм», самоорганизация, альтернативность, нелинейность.

Anatoly A. ShtyrbulOmsk State Pedagogical University, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of General History, Sociology and Political Science, Omsk, Russia
e-mail: shtyrbu_97@omgpu.ru**“Early Socialism” in Its Religious, Philosophical,
and Political Manifestations (16th–18th Centuries)**

Abstract. The article examines the phenomenon of “early socialism” during the period of the first bourgeois revolutions of the 16th–18th centuries in its religious, philosophical, and political manifestations. This phenomenon is analysed within the framework of social epistemology, combining dialectical and synergetic approaches, including through the lens of such categories as the combination of linearity and nonlinearity in the historical process, social self-organisation, and alternativeness.

Keywords: social utopism of the 16th–18th centuries, “early socialism”, self-organisation, alternativeness, nonlinearity.

Введение (Introduction)

В XVI–XVIII вв. по Западной Европе и Атлантическому побережью Северной Америки прокатились самые первые в истории буржуазные революции: Нидерландская, Английская, Первая Американская, Великая французская. Много менялось, и мир становился другим — как в социально-экономическом, так и в политическом отношении. Человечество вступало в очередную общественно-экономическую формацию — капиталистическую. Главными ее отличиями от предыдущей феодальной становились: промышленный переворот с заменой ручного труда промышленным; появление двух новых основных классов — пролетариата и буржуазии; набирающий обороты процесс урбанизации; переход от внеэкономического принуждения к экономическому (хотя пережитки предыдущего феодального общества

исчезали медленно и на протяжении всего периода перехода иногда всё еще давали себя знать). Процесс перехода от феодализма к капитализму так или иначе затронул весь мир и всё более и более затягивал его в сферу капитализма — сначала европейского, а затем, к концу XVIII в., в известной мере уже и мирового.

Несмотря на классовую ограниченность буржуазных революций, их главные движущие силы — трудовые массы — стремились к большему, стараясь по возможности выйти за рамки данных революций. «Массы боролись против существующей формы эксплуатации, а не за новую форму эксплуатации», — считал Б. Ф. Поршнев, имея в виду настроения и поведение трудящихся масс в период ранних буржуазных революций и буржуазных революций вообще [1, с. 473]. И именно во время первых капиталистических

© Штырбул А. А., 2026

Для цитирования: Штырбул А. А. «Ранний социализм» в его религиозном, философском и политическом проявлениях (XVI–XVIII века) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 2 (51). С. 51–56. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-51-51-56

Статья доступна на условиях лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

революций XVI–XVIII вв. впервые стали по-настоящему возможны попытки отдельных прото-социалистических и прото-коммунистических «забеганий» вперед (т. е. не только ранние социалистические и коммунистические идеи, но и попытки осуществления в этих новых условиях ранних политических и общественных опытов создания справедливого общества в русле *утопического социализма и утопического коммунизма*).

К рубежу XVIII–XIX вв. уже четко определились два системных идеологических блока (направления): *утопический социализм* и *утопический коммунизм*, которые не только противостояли друг другу, но и зачастую идейно враждовали: «Утопический социализм и утопический коммунизм в течение всей первой половины XIX в. противостояли друг другу как две противоположные системы. Лишь научный коммунизм разрешил это противоречие, обосновав историческую роль социализма как первой стадии в развитии коммунистической общественной формации» [2, с. 6].

Представляется, что эти ранние попытки создания справедливого общества закономерны не менее, чем сами буржуазные революции XVI–XVIII вв., хотя, конечно же, они были гораздо менее масштабными и перспективными и имели характер пока еще слабых социальных альтернатив, причем альтернатив, проявлявшихся в самых, казалось бы, неблагоприятных для них условиях, что является своеобразным проявлением элементов нелинейности в историческом процессе и одновременно свидетельствует о его определенной направленности. Исследование линейности и нелинейности исторического процесса в преломлении феномена «раннего социализма», а также отражение этого феномена в историческом познании и являются целью статьи.

Методы (Methods)

Исследование данной темы выполнено автором, прежде всего, с методологических позиций междисциплинарного синтеза в рамках онтологии и теории познания, социальной эпистемологии и отчасти философии культуры (в данном случае, прежде всего, культуры политической), а также исходя из принципа историзма.

Именно в русле социальной эпистемологии в представленной уважаемому читателю статье ставится вопрос об отношении знаний (в данном случае религиозных, философских и политических идей, теорий, концепций, а также попыток их реализации на практике) к действительности XVI–XVIII вв., когда с точки зрения привычной, устоявшейся линейности в восприятии истории для этого отсутствовали какие-либо серьезные основания. Но взаимосвязь, казалось бы, совершенно «преждевременных» теорий и довольно неблагоприятной для них действительности тем не менее имела место в историческом процессе, и это, как говорят в подобных случаях, является бесспорным историческим фактом. И объяснение данного феномена может быть найдено и дано именно в преломлении диалектического сочетания линейности и нелинейности в историческом процессе.

В русле социальной эпистемологии представляется важным высказанное еще несколько десятилетий назад научное положение известного советского физика и философа В. С. Готта о единстве линейности и нелинейности во всех

без исключения процессах мироздания, в том числе в общественных [3, с. 435]. «Математические представления о линейности и нелинейности, — утверждал он, — являются определенным отражением материального единства мира и способствуют синтезу научных знаний о различных областях материального мира» [3, с. 436].

Кроме того, автор представленной статьи опирался на исследования Л. А. Микешиной [4], Л. А. Марковой [5] и других ведущих исследователей социальной эпистемологии. Проблема, заявленная в статье, исследуется с позиции сочетания диалектического и синергетического подходов, в том числе в преломлении таких категорий, как сочетание линейности и нелинейности в историческом процессе, общественной самоорганизации, альтернативности. Автор сознательно определил тему данного исследования на стыке социальной философии и истории раннесоциалистических идей и соответствующих практик.

Поразительное разнообразие и поныне до конца неизведанных феноменов как в природе, так и в обществе вызывает «необходимость методологического разнообразия в их изучении», требует «мультипарадигмальный подход в исследовании феномена исторического развития» [6, с. 30]. «Прокладывая тропинку, избегающую драматической альтернативы между слепыми законами и произвольными событиями, мы обнаруживаем, что значительная часть конкретного мира вокруг нас до сих пор “ускользала из ячеек научной сети...”» [7, с. 263]. К таким малоизвестным или, во всяком случае, пока малоисследованным социальным феноменам, по нашему мнению, следует отнести опыт социальных экспериментов, относящихся как к теории, так и к практике ранних очагов справедливых обществ.

Литературный обзор (Literature Review)

Содержание и хронологические границы термина «ранний социализм» до сих пор окончательно не определены. В сети Интернет термин употребляется в довольно широком смысловом и хронологическом диапазоне: от «Утопии» Томаса Мора до практики советского социализма XX в. (последнее особенно ярко выражено в работах социального философа В. А. Вазюлина [8; 9; 10]). Специальные научные работы, где в качестве самостоятельной темы исследования рассматривается именно «ранний социализм» применительно к Европе XVI–XVIII вв. и к американским колониям Северной Америки XVII–XVIII вв., практически отсутствуют. Тем не менее существует некоторое количество работ, где эта проблема в той или иной мере эпизодически затрагивается попутно, в связи с исследованием других проблем, тем и вопросов, и, таким образом, их авторы сумели ввести в научный оборот немало важных для заявленной нами темы исторических фактов. Ряд данных работ приведен автором в тексте статьи и использован в качестве вторичных источников.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Социальные утопии и попытки их реализации появились гораздо раньше, чем Томас Мор вызвал к жизни само это слово, но именно три следующих века, последовавших за рождением данного термина, стали на редкость урожайными на аналогичные явления как в теории, так и на практике. Они

четко ложатся на период четырех первых буржуазных революций XVI–XVIII вв. Теоретические утопии и попытки создания очагов справедливого общества традиционно занимают далеко не последнее место как в историческом процессе, так и в научном плане их изучения.

Ортодоксальный марксизм признавал формирование новых экономических укладов в недрах старого социально-экономического строя, но в отношении коммунизма (социализма) такая возможность в рамках капитализма отрицалась: признавалось лишь то, что в его недрах зрели общие объективные экономические предпосылки социализма (но не социалистический уклад), а переход к реальному проявлению социализма признавался возможным только лишь в результате победоносной социалистической революции во главе с партией марксистского типа. Но это, видимо, не совсем верно, если признать и другие исторические модификации социализма (утопический, общинный, мелкобуржуазный, анархистский, религиозный) и коммунизма (первобытно-общинный, плебейский, аскетический, утопически-казарменный)^{*}. Тогда неизбежно придется признать, что ростки, очаги, «социально-политические оазисы» такого раннего социализма и даже раннего коммунизма (примитивные, неразвитые, слабые, но всё же) появлялись в самом начале капитализма и даже ранее: подобные очаги, пусть несовершенные с точки зрения нашей эпохи, немногочисленные и не всегда с первого взгляда заметные, мы можем разглядеть уже, в частности, при позднем феодализме и в переходный период от него к капитализму. Условно это можно было бы назвать «ранним социализмом». Данный термин (вариант: «первый социализм») появился сравнительно недавно и особое место занял применительно к теории и практике радикальных революционеров Латинской Америки XIX в., но было бы правильно распространить его на соответствующие ростки и проявления в Европе и отчасти в английских колониях Северной Америки в несколько ранний период XVI–XVIII вв.

Перед нами, таким образом, частные случаи проявления нелинейности в истории и ее сочетания с линейностью «магистрального пути» исторического процесса, когда в условиях становления капиталистической общественной формации появляются ростки и очаги (ранне)социалистического и (ранне)коммунистического характера, казалось бы совершенно несвоевременные или же «преждевременные» и исторически обреченные на поражение. Иными словами, первые теории и практики социализма, первые его проблески в истории, появляются в этот период, буквально «обгоняя время».

Борьба социальных низов за свои интересы, за социальную справедливость, попытки (в том числе философские) осмысления данной борьбы и рождение на этом фоне эгалитарных (уравнительных) и ранних социалистическо-ком-

мунистических идей в своем сочетании иногда давали некоторые результаты даже в то далекое и, казалось бы, совсем неподходящее время. Такие проявления свидетельствуют, что в первых буржуазных движениях и буржуазных революциях XVI–XVIII вв. идейно-политическая ситуация в ряде случаев выходила за рамки этих революций, и ярко проявлялись ростки как радикального эгалитаризма, так и ранних социализма и коммунизма в их религиозном, философском и политическом проявлениях. При этом на самых ранних этапах в социально-утопических идеях первоочередную роль закономерно играла религия и, соответственно, религиозная оболочка [12, с. 360–361], хотя и не всегда: социальные утопии этого времени, наряду с религиозным характером, начинают приобретать уже и характер атеистический.

В Германской реформации первой половины XVI в. и Великой крестьянской войне 1524–1525 гг., признаваемых рядом историков, вслед за Ф. Энгельсом, первой (хотя и неудачной) пробой буржуазных революций в Европе, такими ростками стали: движение анабаптистов и выделившийся из него левый, революционный анабаптизм, идеологию и практику которого К. Маркс, Ф. Энгельс, а вслед за ними и К. Каутский считали пусть слабыми и примитивными, несовершенными и ограниченными, но всё же первыми в истории проявлениями собственно коммунистического движения; раннекоммунистическое учение Томаса Мюнцера, который, оттолкнувшись от идей революционного анабаптизма, пошел даже несколько дальше самого этого движения; революционный режим во главе с Томасом Мюнцером в Мюльгаузене в 1524–1525 гг.; программа рабоче-крестьянского лидера области Тироля Михаэля Гайсмайера (1526); наконец, Мюнстерская коммуна 1534–1535 гг. [12; 13; 14].

Представления и действия трудящихся масс в вопросе о власти в Нидерландской буржуазной революции (1566–1609) пока слабо изучены, но бесспорно, что большое значение в развитии и победе революции сыграли: отряды партизан — лесных и морских гезов, состоявших в основном из представителей городских и сельских низов; так называемый политический кальвинизм, в котором политическая составляющая уже начала преобладать над религиозной; революционные комитеты городского самоуправления (общинные советы — *Gemeinderäten* [15, с. 16, 17]) на юге (во Фландрии и Брабанте в 1577–1583), в составе которых, наряду с традиционными буржуазными элементами, имелись элементы буржуазно-демократические и даже революционно-демократические, причем последние представляли интересы именно трудовых слоев городов (ремесленников, подмастерьев, мелких торговцев, плебса). Особенно активно и решительно такой комитет действовал в Генте. Однако революционно-демократической составляющей антииспанского и антифеодального движения во Фландрии и Брабанте не суждено было развиваться. Против революционно-демократических сил здесь не только боролись испанцы и их местные дворянские пособники, но и выступили войска Вильгельма Оранского, являвшегося лидером антииспанского движения в Северных Нидерландах, но видевшего в деятельности революционно-демократических элементов юга опасный пример для других провинций [16, с. 238–242; 17, с. 61–63, 109–111, 120–123].

^{*} Кстати, К. Маркс и Ф. Энгельс признавали различные модификации (идейно-политические концепции) социализма как реальность: реакционный (феодалный; мелкобуржуазный; немецкий или «истинный») социализм; консервативный или буржуазный социализм; критически-утопический социализм и коммунизм. Они подходили к данным проявлениям социального утопизма критически, но при этом исторически и диалектически [11, с. 448–457].

Трудящиеся в период Английской буржуазной революции (1642–1688) также попытались заявить о своих социально-экономических интересах и их политических гарантиях. «Великая эпоха (Английской. — А. Ш.) революции XVII в., — отмечал английский историк А. Л. Мортон, — была периодом огромного подъема и безграничных надежд, дерзновенных мечтаний и столкновения идей» [18, с. 108].

Первыми заявили о себе левеллеры (лидер Джон Лильберн), хотя их социально-политическая программа была довольно ограниченной. Вслед за ними выступили более последовательные и решительные — диггеры (копатели, или «истинные левеллеры») во главе с Уильямом Эверардом и Джерардом Уинстенли, пытавшиеся создать независимые, в тех условиях скорее автономные, социально-экономические общины с опорой на пример общин раннехристианских и поэтому, несмотря на свою революционную решительность и стойкость, полностью отвергшие военно-политическое насилие (1649–1652) [19, с. 172–245]. Они сумели даже выработать свою программу — «Закон свободы» (автор Дж. Уинстенли) [20], но их движение было подавлено. Далее по пути борьбы за народные интересы пошли «люди пятой монархии»^{*} (влиятельная секта социальных низов — городского плебса и частично крестьян; средних городских слоев, низшего состава армии) во главе с героем и мучеником революции генералом Томасом Харрисоном (Гаррисоном), выходцем из элиты, но искренне и беззаветно преданным революционным идеалам. Имея некоторую поддержку в армии, «люди пятой монархии» составили заговор по вооруженному захвату власти в интересах тружеников, но были жесточайшим образом подавлены [21, с. 409–423]. Наконец, в условиях поражения всех предыдущих группировок на передний план выдвинулись приверженцы секты «Общество Света», так называемые квакеры, которые полностью отвергли какое-либо насилие и замкнулись в своих религиозных общинах, часть из них в поисках счастливой жизни переселилась в Северную Америку, где они некоторое время продолжили опыты по созданию справедливого общества.

Во время «Народной Фронды» во Франции середины XVII в., едва не переросшей в раннюю Французскую буржуазную революцию (а некоторые историки считают ее таковой, правда неудачной и неразвившейся), активно проявили себя крестьяне (их восстания с перерывами шли почти весь XVII в. и вплоть до начала XVIII в.), средние городские слои и городской плебс [22; 23]. Своеобразным итогом или общим идейным знаменателем этих событий стало «Завещание» Жана Мелье [24].

Весьма интересны эпизодические социальные опыты эгалитарного и раннесоциалистического характера в английских колониях Северной Америки XVII — начала XVIII в.: Род-Айленде, Пенсильвании, Джорджии и др. [25, р. 38, 45, 58, 60–62; 26, с. 13]. Часть переселенцев, главным образом радикальные религиозные диссиденты из Европы, продол-

жила здесь свои эксперименты по созданию справедливого общества. Эта деятельность проявлялась как в активной проповеднической деятельности, так и в попытках создания социально-религиозных общин и коммун, наиболее яркими из которых стали кооперативная община Питера Корнелиуса Плокбоя в Новых Нидерландах (начало 1660-х) и коммуна Эфрата, возникшая в 1732 г. в Пенсильвании [19, с. 260; 26, с. 13].

Кроме того, получило значительный размах довольно радикальное, хотя и весьма неоднородное, движение скваттеров — как захваты земли у местных богачей в первых колониях-штатах (скваттеры-регуляторы), так и захваты «свободной земли» за пределами штатов (даже несмотря на последовавшее в 1763 г. строгое запрещение английского короля Георга III селиться к западу от Аллеганских гор [27, с. 105–106]). Между прочим, в Пенсильвании, образованной в 1681 г. при активном участии и руководстве квакеров и на некоторое время превратившейся в значительный квакерский анклав, местные скваттеры объясняли свою деятельность тем, что зажиточная часть квакеров Пенсильвании не спешила делиться с беднотой, в том числе единоверческой, своей землей и имуществом [28, с. 400–401]. В данном случае это были, конечно, не социалистические или коммунистические настроения, а пока только лишь проявления эгалитаризма, но всё же. (В фундаментальном исследовании об истории ранней Пенсильвании показано, как радикальные квакеры и квакеры вообще уже в течение первых десятилетий своей истории стали постепенно терять политическое влияние и власть в этом уникальном общественном очаге [29].)

Американская буржуазная революция 1776–1783 гг. и рождение Северо-Американских Соединенных Штатов также неизбежно повлекли за собой попытки трудящихся углубить революционный процесс: в некоторых штатах произошли волнения бедноты, а в штате Массачусетс в 1786–1787 гг. вспыхнуло восстание под руководством фермера и ветерана Войны за независимость Даниэля Шейса. Почти повсеместно эпизодически продолжалось движение скваттеров-регуляторов.

К такого же рода явлениям следует, вероятно, отнести (разумеется, пока что лишь предположительно и с оговорками) загадочную и полумифическую Либерталию — колонию пиратов и других поселенцев на севере острова Мадагаскар, созданную на принципах раннего утопического социализма и якобы существовавшую в конце XVII — начале XVIII в. [30].

И в довершение грянула Великая французская революция 1789–1794 гг., которая не только подтвердила указанную закономерность, но и дала новые ярчайшие примеры таких социальных процессов: ростки идей утопического социализма и коммунизма в социально-философских системах великих просветителей накануне эпохальных событий (Дидро, Мабли, Морелли); якобинская диктатура сама по себе и особенно вопрос о роли трудящихся в этой диктатуре — вопрос, стихийно поставленный трудящимися, но лишь отчасти и ненадолго, в самой малой мере реализованный [31; 32]; социалистические и коммунистические идеи, сформулированные накануне и в ходе революции (наработки Ретифа де ла Бретони, Пьера Сильвена Марешала, Франсуа Буассея,

^{*} Пятая монархия — английский синоним справедливого «Тысячелетнего Царства Божьего на Земле», в котором будет править сошедший с небес Христос. Сторонники «пятой монархии» являлись английской ветвью и продолжением традиций европейского революционного анабаптизма [21, с. 409–411].

Леже-Мари Дешана); деятельность «Социального кружка» (1790–1799); Жак Ру и движение «бешеных»; радикальная деятельность Парижской коммуны во главе с Пьером-Гаспаром Шометтом и Жаком-Рене Эбером в 1790–1794 гг.; наконец, программа и «заговор равных» Гракха Бабёфа середины 1790-х гг. [33; 34].

Заключение (Conclusion)

В русле этих идей и движений на протяжении XVI–XVIII вв. формировались те ранние теоретические и практические ростки социализма и коммунизма — религиозные, философские, политические, которые закономерно расцветут уже в условиях XIX–XX вв. Эти ранние идеи и практики социальной справедливости периода первых буржуазных революций XVI–XVIII вв. можно назвать свое-

образным «кануном марксизма»: всё это может вполне законно рассматриваться как дополнение к ставшим давно каноническими «трем источникам и трем составным частям» марксизма — немецкой классической философии, английской политической экономии и французскому утопическому социализму, которые оформились на рубеже XVIII–XIX вв. По мнению социального философа Ю. А. Красина, «марксизм возник как прямое продолжение идеологии Просвещения и ранних буржуазных революций» [35, с. 21]. А «несвоевременное» появление религиозных, философских и политических ростков «раннего социализма» можно, кроме всего прочего, рассматривать еще и как частный случай проявления нелинейности и ее диалектического сочетания с линейностью в мировом историческом процессе.

1. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М. : Наука, 1964. 520 с.
2. Иоаннисян А. Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М. : Наука, 1981. 176 с.
3. Готт В. С. Диалектическое единство линейности и нелинейности // Неизбежность нелинейного мира : к 100-летию со дня рождения В. С. Готта. М. : Гуманитарий, 2012. С. 415–436.
4. Микешина Л. А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 463 с.
5. Маркова Л. А. Социальная эпистемология — в контексте прошлого и будущего. М. : КАНОН+, 2017. 272 с.
6. Руди А. Ш. Направленность культурно-исторического развития // Гуманитарные исследования (Омск). 2020. № 1. С. 26–30.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М. : Прогресс, 1994. 266 с.
8. Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 328 с.
9. Вазюлин В. А. Логика истории взаимодействия морали и политики // Марксизм и современность (Киев). 2006. № 4. С. 35–37.
10. Степанов А. Виктор Алексеевич Вазюлин и концепция «раннего социализма» // Дзен : [блог-платформа]. 2025. 30 авг. URL: https://dzen.ru/a/aLK1X_Hp8mKjiz5-?ysclid=mpxsvzi4ra23463265 (дата обращения: 12.01.2026).
11. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. : в 50 т. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
12. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М. : Политиздат, 1956. Т. 7. С. 343–437.
13. Каутский К. Предшественники новейшего социализма: Коммунизм в Германской Реформации / пер. с нем. ; под ред. И. И. Степанова. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 216 с.
14. Шеллер-Михайлов А. К. Революционный анабаптизм // Полн. собр. соч. : в 16 т. СПб. : Изд-во А. Ф. Маркса, 1905. Т. 16. С. 538–673.
15. Маркс К. Хронологические выписки [4-я тетрадь] // Архив Маркса и Энгельса : в 16 т. М. : Госполитиздат, 1946. Т. VIII. С. 1–408.
16. Пиренн А. Нидерландская революция / под ред. Е. А. Косминского ; пер. [с фр.] Ф. А. Коган-Бернштейн. М. : Соцэкгиз, 1937. 570 с.
17. Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 192 с.
18. Мортон А. Л. Английская утопия / пер. с англ. М. : Изд-во Иностранной литературы, 1956. 278 с.
19. Барг М. А. Народные низы в Английской революции XVII в. Движение и идеология истинных левеллеров. М. : Наука, 1967. 351 с.
20. Уинстенли Д. Избранные памфлеты / пер. с англ. Е. Г. Денисовой ; под ред. и с коммент. А. С. Самойло ; вступ. ст. В. П. Волгина. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 381 с.
21. Ковалевский М. М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму : в 2 т. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1906. Т. I. 493 с.
22. Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 724 с. + карта.
23. Коробочко А. И. Восстание камизаров (1702–1705 гг.) // Средние века : сб. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Вып. III. С. 13–28.
24. Мелье Ж. Завещание / пер. с фр. М. : ГАИЗ, 1937. 735 с.

25. Weinstein A., Rubel D. The Story of America: Freedom and Crisis from Settlement to Superpower. London : Dorling Kindersley Publishing Company, 2002. 688 p.
26. Валюженич А. В. Социалистическая мысль и движение в США: От утопических общин до образования Коммунистической партии. М. : Мысль, 1983. 303 с.
27. Прокламация короля Георга III о запрещении колонизации земель за Аллеганскими горами (7.X.1763 г.) // Сборник документов по истории Нового времени. Буржуазные революции XVII–XVIII вв. / под ред. В. Г. Сироткина. М. : Высшая школа, 1990. С. 105–106.
28. Захват земли скваттерами // Хрестоматия по Новой истории : в 3 т. Т. I : 1640–1815. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1963. С. 400–401.
29. Исаев С. А. У истоков американской истории. V. Квakerство, Уильям Пенн и основание колонии Пенсильвания. 1681–1701. СПб. : Нестор-История, 2018. 472 с.
30. Штырбул А. А. В поисках загадочной республики. Социальные альтернативы рубежа Средних веков — Нового времени. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та : Наука, 2007. 212 с.
31. Старосельский [Я. В.]. Проблема якобинской диктатуры / с предисл. Е. Б. Пашуканиса. М. : Изд-во Комкадемии, 1930. 306 с.
32. Ревуненков В. Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 176 с.
33. Далин В. М. Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785–1794). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 616 с.
34. Черткова Г. С. Грахх Бабеф во время термидорианской реакции / под ред. В. М. Далина. М. : Наука, 1980. 209 с.
35. Красин Ю. А. Кризис марксизма и место марксистской традиции в истории общественной мысли // Свободная мысль (Москва). 1993. № 1. С. 20–30.